

ВАДИМ ГОНЧАРОВ

Там,
где
ТЫ
есть

18+

Вадим Гончаров
Там, где ты есть

«Автор»

2026

Гончаров В.

Там, где ты есть / В. Гончаров — «Автор», 2026

Десять лет назад Шарлотта утонула. Вертан это точно знает: тело нашли, похороны состоялись, вина осталась. И всё же однажды он видит её в кафе — живую, повзрослевшую, с чужой фамилией, мужем, детьми и без единого воспоминания о нём. Вертан привык спасать чужие души, но свою так и не вытащил из той реки. Теперь ему придётся понять, что здесь правда, кто из них проживает не свою жизнь и можно ли воскресить то, что он десять лет отказывался хоронить. Второй шанс ему, похоже, всё-таки дали. Осталось выяснить — на что.

© Гончаров В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Сырные вафли «Десять лет спустя»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Вадим Гончаров

Там, где ты есть

Глава 1: Сырные вафли «Десять лет спустя»

Он бежит по скользким камням набережной, дождь хлещет по лицу, стук сердца отдаётся во всем теле, ноги сводит от напряжения: только бы не упасть, только бы не упасть! Надо успеть, нельзя терять ни секунды, оступиться — значит опоздать!

Черная в вечерних сумерках под грозовым небом река впереди. Чуть не соскальзывая со ступенек, он подбегает к ней, но набережная пуста, ни одного человека вокруг, вся гладь воды испещрена кругами от крупных капель. Напряженно вглядывается в воду Вон она!

— Шарлотта! — кричит он, скидывает ботинки и прыгает в ледяную воду. Захлебываясь, плывет к ней, хватая ее за длинные волосы и неистово тянет вверх, вытаскивая голову на поверхность. Она начинает бить руками по воде, изо рта вырывается надрывный кашель, девушка втягивает воздух Жива! Он прижимает к себе ее хрупкое замерзшее тело, и в блаженной радости просыпается.

Пробуждение после этого сна всегда было для Вертана Лорвика мучительным: секунду назад он обнимал её живую — а потом вспоминал жестокую правду. Шарлотта умерла. Утонула. Именно в той реке, в день ее рождения, когда произошла та ссора между ними. Ему не удалось ее спасти, даже не удалось ее увидеть — тело просто выловили ниже по течению спустя два дня.

Слезы текут по его щекам, тот день возвращается к нему снова и снова. Всё началось тем утром. Он вспоминает подарок, который купил ей тогда, и который теперь хранит в своем шкафу на память: небольшой золотой браслет со стрекозой. Тонкий, нежный Когда он с легким трепетом в руках вручил ей коробочку, она тут же с энтузиазмом принялась снимать упаковку — терпение никогда не было ее сильной стороной, а победив, наконец, обертку, с восхищением рассматривала его, примеряла то на одну руку, то на другую, целовала Вертана.

На закате они гуляли по набережной, шутили, смеялись У Шарлотты было чудесное чувство юмора — любая фраза могла обернуться совершенно неожиданной стороной и вызвать у обоих взрыв смеха, причем сама она смеялась над собственными шутками с тем же удовольствием, как и над его.

Ей был всего двадцать один год, она была младше его почти на десять лет. Эмоциональная, актриса, что сказать флегматичному Вертану даже часто казалось — слишком эмоциональная, но живость и была тем, что привлекло его с самого начала. И именно она выводила его из себя почти мгновенно, стоило лишь ей показать свою подозрительность, гнев, зависть. Она могла по десять раз на дню упрекать его за то, что он к ней невнимателен, неуклюж, молчалив, и чем чаще она это делала, тем более молчаливым и отстраненным становился Вертан.

После полутора лет таких отношений, он оказался в странном смятении: без Шарлотты он себя почти не представлял, а жизнь с ней казалась ему полной тревог и давления, её присутствие заполняло все пространство: она требовала, кричала, ревновала. И он чувствовал себя как в ловушке.

Возвращались они уже почти в темноте: на улицах Равеля зажглись фонари, они шли по Ласточкиному переулку, пытаясь спрятаться под одним зонтом от проливного дождя.

Не замечая, что шагают в ногу, они не глядели друг на друга — во время прогулки опять поспорили, Вертан, как обычно, замолчал и насупился, а Шарлотта продолжила требовательно допытываться:

— То есть, ты думаешь, что раз мы живем в твоей квартире, ты платишь за меня, а я ничего не зарабатываю — это повод вечно меня критиковать?

— Ничего подобного я не говорил, Шарлотта Прекрати, пожалуйста, давай не будем портить этот день ссорами

— Вертан, ты, как обычно, просто виляешь и не можешь ответить! А когда мы поженимся, ты тоже будешь считать каждую копейку и в конце месяца приносить мне счет? А когда я рожу ребенка?

— Лотта, ну пожалуйста! Давай прекратим этот разговор. Нам обоим надо немного остыть!

Вдруг она импульсивно прижалась к нему и поцеловала: ее горячие губы среди ледяного апрельского дождя. Он задохнулся от приступа нежности и обнял ее тонкую фигурку.

— Ло Милая

Какое-то время они стояли так, а потом зашли в любимое кафе «Дом на перекрестке». Там и произошла их последняя ссора.

Вертан посмотрел на часы: в ее день рождения он всегда брал выходной — всё равно никакого толку от него на работе бы не было. Кроме того, сегодня была суббота.

Ни о каком дальнейшем сне не могло быть и речи, поэтому он встал, привел себя, как мог, в порядок перед зеркалом в ванной и задумчиво посмотрел на свое отражение. Сорокалетний мужчина, еще довольно симпатичный, короткая борода уже почти седая, и на висках отчетливо виднеются белые полосы.

— Десять лет, Вертан. Юбилей. И все эти десять лет ты помнишь всё это так ярко, будто оно случилось вчера. И, похоже, не забудешь И что — так и будешь жить с этим? Сколько можно?

Ответа, разумеется, не было: отражение смотрело на него его же собственными глазами и задумчиво молчало. Он покачал головой и вышел из ванной.

Отдернув штору, посмотрел на улицу: погода стояла прекрасная — солнце уверенно восходило на чистом голубом небе, деревья вдоль улицы Монастырского сада уже стояли покрытые набухшими ярко-зелеными почками, с крыши доносилось пронзительное пение птиц, а жители города, как хорошо воспитанные муравьи, шли по тротуару в обе стороны. Надо было идти, как-то проводить этот день и все последующие, потому что Шарлотта, конечно, была мертва, а он, Вертан, был жив. И умирать пока не собирался. Впрочем, она тоже не собиралась.

Накинув легкое пальто, Вертан вышел на улицу. В воздухе отчетливо пахло весной, ветерок дул теплый, а ночные лужи стремительно уменьшались. Обычным курсом он направился к «Перекрестку» — хотелось есть, а Вертан был рабом своих привычек: пока кафе не закрылось, он будет завтракать именно тут, и больше нигде. Вот уже почти двадцать лет.

Пройдя мимо огромного магазина с игрушками, Вертан обогнул кольцевую площадь, прошел еще два квартала, и оказался на том самом перекрестке — пересечении улицы Монастырского сада с Ласточкиным переулком. На углу стоял большой старинный дом, нижний этаж которого и занимало кафе «Дом на перекрестке», о чем гласили ярко-синие буквы на стилизованной под старое темное дерево вывеске.

Войдя в кафе, он окинул взглядом знакомый до малейшей мелочи интерьер, не менявшийся год за годом. Первое, что бросалось в глаза посетителю, были, конечно, совы. Весь интерьер был увешан, уставлен, разрисован совами самых разных размеров, материалов и стилей, включая стоящую на барной стойке весьма натурального вида полярную сову.

— Это чучело? — как-то спросил Вертан хозяина кафе, который обычно сам стоял за стойкой.

— Нет, что вы! Я очень люблю сов, разве могу я выставить здесь мертвую птицу? — почти возмутился тот, однако, его улыбка говорила, что он рад вопросу. — Это скульптура. Ее сделал мне в подарок хороший друг, он сейчас живет в Англии, а до этого жил где-то в

Румынии или рядом И подарил, представляете? Сейчас его работы стоят кошмарных денег, думаю, вы понимаете, что заслуженно. Но эту красотку я не продам ни за какие деньги, можете поверить.

Сова действительно была из дерева, или чего-то подобного, но, рассматривая ее почти вплотную, было трудно поверить, что каждое перышко, загнутый клюв, блестящие глаза были вырезаны чьими-то умелыми руками и раскрашены и даже самая мелкая пушинка оказалась тончайшей стружкой. Настоящая ювелирная работа!

Вертан привычно бросил взгляд за стойку: ну да, Тиль был там, как обычно. Иногда его сменяли помощники, которые всегда были похожи друг на друга как две капли воды, будто Тиль отбирал каждую из них по фотографии предыдущей: темноволосые, с тонкими острыми носами, огромными круглыми глазами ну а чего вы хотите от человека, который «очень любит сов?» Но в этот день Тиль был на своем месте, как и в предыдущие девять, будто ждал Вертана, и не мог доверить это никому. Было приятно так думать, хотя, Вертан отлично понимал, что скорее всего, он фантазирует.

Внешность у хозяина кафе была незаурядной: на вид ему было около пятидесяти лет, может и больше, жилистый, всегда загорелый. Где только умудрялся, в Равельском климате это было крайне непросто, разве что солярий? Но представить Тиля, лежащего в светящемся саркофаге даже Вертану не удавалось. Седая волнистая шевелюра торчала как попало, но при этом на редкость стильно, белая борода и усы скрывали вечную ухмылку, вокруг глаз рассыпался миллион мелких тонких морщин, а черные брови были изогнуты под мефистофелевским углом. Было очень легко представить его на капитанском мостике пиратского корабля, с луком верхом на коне или, скажем, за прилавком невольничьего рынка где-нибудь между Африкой и Аравийским полуостровом, в самом богом забытом месте. Что он делал всё это время за стойкой кафе в центре мегаполиса понять было просто невозможно, как минимум, странно, что умом Тиль явно многократно превосходил самого Вертана, знания имел совершенно энциклопедические да еще и обаянием обладал совершенно убийственным. Впрочем, и в кафе это играло ему на руку — в вечерние часы и по выходным посетителей здесь было столько, что Вертан давно уже оставил попытки сесть за свободный столик, и привык к высокому барному стулу за стойкой, прямо рядом с совой. Интересно, что это место никто никогда не занимал, как будто бы оно было невидимым для всех, кроме них с Тилем.

— А-а-а, средь будничной суеты к нам на огонек занесло самого мастера по бальзамированию израненных душ Вертана! А я ждал вас, вы знали?

Вертан резко вскинул на него глаза в удивлении, но тут же осознал, что это просто обычная манера хозяина, а не ответ на незаданный вопрос. Вертан забрался на свой привычный стул, а хозяин, ничего не спрашивая, уже деловито болтал в огромной медной чашке молочную пенку со специями. Колоссальная кофемашина выдала столб пара, из рожка полилась густая черная жижа, всё это вместе вскоре оказалось в фирменной кружке с логотипом в виде совы под носом посетителя. Тот с удовольствием отхлебнул горячий напиток и стал рассматривать витрину с десертами.

— Чуть свет — уж за десерт? Вертан, это несерьезно, давайте я вас хотя бы для приличия накормлю завтраком. У нас, между прочим, обновилось меню. Не смотрите на меня так — если вам непременно захочется вашей чертовой яичницы, я ее, разумеется, приготовлю, разве это проблема? Но надо же хотя бы что-то менять в своей жизни, разве нет? Ну хорошо, давайте компромисс: яичница, но вместо хлеба будут сырны вафли. Устроит вас такой вариант? — он посмотрел на Вертана так сурово, что тот понял: вафель не избежать.

— Хорошо давайте ваши вафли, — слегка капризно отозвался он, и сварливо добавил: — Хотя, вот честно: никогда не понимал, зачем вообще менять меню? Посетителям надоедает? Они вас просят приготовить что-нибудь новенькое?

— Мне надоедает! — комично развел руками Тиль. — И моему повару. Он буквально полгода угрожал мне разными карами, если я не соглашусь внести изменения, но я оттягивал этот момент как мог. Так и говорил: Жозе, ты только подумай, как расстроится наш любимый ретроград и ценитель неувядающей классики, единственный оставшийся в живых человек, умеющий различать до ста тридцати четырех оттенков вкуса чизкейка! Он терпел изо всех сил, но не выдержал! Когда он стал угрожать демонстративным самоубийством — намекал, что обольет себя оливковым маслом и подожжет в центре зала — я решил: пора.

Вертан усмехнулся: Тиль умел поднимать настроение, надо отдать ему должное. И даже вафли не казались столь мрачной перспективой.

Тиль отвлекся на нового посетителя, а Вертан от нечего делать стал листать обновленное меню. Вообще-то, его действительно полностью устраивало старое, в нем было достаточно разнообразия, чтобы удовлетворять его непритязательным вкусам до конца дней, но он ощутил некоторое любопытство — среди привычных позиций появились блюда средиземноморской кухни, отдельно, почему-то, румынские блюда, несколько новых десертов, а барная карта приглашала попробовать новые кофейные коктейли. Впрочем, классики осталось достаточно — отметил он с облегчением.

Вафли с яичницей оказались выше всяких похвал. Вертан нехотя признал, что они куда интереснее, чем привычный поджаренный тост. Тиль появился рядом с ним и с ухмылкой спросил:

— Что, не обманул дядюшка Тиль? Ну и отлично, молодым людям, которые хорошо кушают завтрак, полагается приз, — он поставил перед Вертаном тарелку с его любимым печеньем.

Посетители начали расходиться — время завтрака подходило к концу, и Тиль присел на стул через стойку.

— Ну что, Вертан? Всё так же хандрите? Я же вижу И я все помню, — он ободряюще, но при этом грустно улыбнулся, и Вертан машинально подумал: «Вот бы мне так научиться — как он уместно это делает, в психотерапии было бы очень нелишним»

— Есть немного, — кивнул он в ответ. Разговаривать не очень хотелось, но внимание Тиля было приятно — Вертан радовался, что был в этот день не совсем один, и кто-то ему сочувствовал.

— Да понимаю вас. Бывают вещи, которые забыть невозможно. Вы простите — если я зря лезу, то можем поговорить и о чем-то другом. Но я не могу, да и совсем не хочу забыть вашу историю.

— Всё в порядке, Тиль. Разумеется, я и сам думаю сегодня о ней.

— Ну ладно, не стану вам мешать. Но если захотите поговорить — я всецело к вашим услугам, — Тиль отошел, а Вертан погрузился в воспоминания.

Именно здесь, вон за тем столиком, они говорили. Она, как обычно, хотела обсудить их отношения, была у нее какая-то маниакальная уверенность, что все можно выяснить раз и навсегда, и сразу жизнь станет простой и понятной, проблемы исчезнут сейчас Вертан понимал, что они были совсем не готовы к отношениям. Во всяком случае, он — точно. Теперь он вообще очень много всего понимал: будучи психотерапевтом, он вдоль и поперек изучил людей и отношения между ними как в теории, так и на практике. И, конечно, отлично осознавал, насколько далеки друг от друга они были тогда, насколько глупы были его страхи и ее наивные попытки все наладить.

Расплатившись с Тилем, Вертан вышел из кафе и задумчиво обернулся на вывеску. «Дом у перекрестка». Деревянные буквы, подсвеченные неоном, у буквы «п» отлетела перекладина в прошлом году. Что-то в них зацепило его, какая-то маленькая деталь, будто бы что-то неуловимо изменилось;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.